

“РУССКИЙ ВОПРОС” В КОНТЕКСТЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РФ*

С.П.Перегудов

Ключевые слова: этнонациональные отношения, федерализм, национализм, титульная нация, политическая нация.

Сам характер России как страны многонациональной обуславливает тесное сочетание в ее государственном устройстве как федеральных, так и национальных начал. Это сочетание делает федерализм более сложным и противоречивым и придает ему черты некой особенности, отличающей от федерализма других стран, и в частности федерализма американского и немецкого. Но, одновременно, то же сочетание существенно обогащает конкретное содержание самого понятия федерализма. Обогащает не обязательно в позитивном ключе, прежде всего в том смысле, что делает гораздо шире и содержательнее саму концептуальную и исследовательскую базу этого феномена, требует более разнообразных методов и инструментов и для его раскрытия, и для практического обращения с ним.

Примерно то же самое можно сказать и о другой стороне указанного сочетания — а именно о сфере национальных отношений, взятых в общефедеральном контексте. Поставленные в этот контекст, они не просто сосуществуют в нем, но тесно с ним взаимодействуют. Причем от характера и сути этого взаимодействия и от той общефедеральной модели и среды, в которой они функционируют, опять же далеко не в последней степени зависят и характер, и принципы этнонациональных отношений, и вектор их развития.

С точки зрения более широких, мировых проблем межнациональных отношений российский “кейс” — не просто один из примеров такого рода отношений. Своим своеобразием и самим своим синтезом с федерализмом российский “случай” вносит особый, в чем-то неповторимый вклад как в существующую мировую практику в данной сфере, так и в общий “набор” концептуальных и практических подходов, позволяющих глубже понять не только российские реалии, но и реалии других стран, в первую очередь тех, где национальные и региональные проблемы начинают все более тесно пересекаться и накладываться одна на другую (Испания, Франция, Канада и др.).

Так что, рассматривая в данной статье чисто российский казус, мы делаем это с пониманием того, что анализ его есть лишь часть тех изысканий, которые делаются примерно в том же ключе по ряду других стран и которые в своей совокупности идут в одном и том же, востребованном самой жизнью направлении.

Если теперь, после этого общего вступления, перейти к заявленной в заголовке статьи теме и попытаться сформулировать необходимые в таких случаях вводные замечания, то следует прежде всего сказать, что проблемы этнонациональных отношений в России как органическая часть отношений федеральных были,

ПЕРЕГУДОВ Сергей Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.
Для связи с автором: peregood1@rambler.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ “Методология анализа политического и социокультурного развития и прогнозирования социально-политических изменений в контексте модернизации”, № 12-03-00306.



остаются и надолго останутся в самом центре ее общественно-политической жизни. Среди этих проблем особое место занимает вопрос отношений между так наз. *титულными нациями*, и прежде всего – русской и нерусскими – и сопутствующий им “русский вопрос”. Отношения эти претерпели и претерпевают далеко идущую эволюцию, одним из порождений которой стал национализм, превратившийся в важнейший фактор политического развития страны.

РУССКАЯ ТИТУЛЬНАЯ НАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Хотя понятие “титулная нация” не является официально признанным и его нет ни в Конституции, ни в других основополагающих документах Российской Федерации, оно, тем не менее, довольно часто фигурирует и в СМИ, и в дискурсах научного и экспертного сообществ. И происходит это по той простой причине, что за данным понятием стоит вполне определенная реальность, причем такая, которая существенным образом влияет, а зачастую и определяет характер и суть межнациональных отношений.

Прежде чем продолжать тему, хотел бы сделать одну, с моей точки зрения, важную оговорку. Хотя название “титулная нация” чисто российское, сама по себе “титулность”, закрепляющая за той или иной нацией название соответствующего субъекта административно-государственного устройства и его особый статус, в том или ином виде присутствует во множестве полиэтнических стран, и в первую очередь в тех из них, которые принадлежат к категории этнофедераций [см. напр. Фарукшин 2012: 40-51].

Этимология данного понятия предельно проста: название, или “титул”, как правило, присутствует в самом наименовании того административно-политического образования (республики, автономной области и автономного округа), где та или иная нация является своего рода “базовой” и где ей чаще всего (хотя и не всегда) принадлежит особая роль в общественно-политической жизни этого образования. Эта роль закрепляется не только в названии республик и автономий, но и в ряду других отличий, дающих им как статусные, так и некоторые другие преимущества перед “обычными” регионами.

Исходя из сложившейся ситуации, в РФ можно выделить три основных категории титульных наций:

- а) титульная нация, распространяющая свое влияние на всей территории страны (русские);
- б) титульные нации республиканского уровня (таковых, по Конституции, насчитывается 21);
- в) титульные нации автономий (11 автономных округов и 1 автономная область – Еврейская АО).

Особая роль русской нации обусловлена целым рядом обстоятельств, ее не без основания часто называют “государствообразующей”. Ее “титул” отражен, хотя и в несколько измененном виде, в самом названии государства, ее язык официально признан государственным (статья 68 Конституции РФ). Она является не только самым большим по численности народом РФ, но и далеко опережает по этому показателю все другие нации и народности вместе взятые, составляя около 80% ее населения.

Формируя основной костяк центральных государственных учреждений, и в том числе силовых и внешнеполитических ведомств, представители русской



нации доминируют в государственном управлении, судебной и пенитенциарной системах, военно-промышленном комплексе, органах регулирования социально-экономической сферы. Во всех этих областях они осуществляют роль своего рода каркаса, призванного обеспечить политическое и правовое единство российского государства. Исповедуемое или в той или иной мере признаваемое большинством русских в качестве близкого им по духу православие занимает доминирующее положение в конфессиональном пространстве России¹. То же самое относится и к русской культуре в целом, но в отличие от конфессиональной составляющей все другие ее “ветви” в результате длительного исторического взаимодействия с культурой других наций и этносов образовали синтезированный культурный ареал, в котором русское и нерусское начала существуют, в основном, как единое целое.

Впрочем, здесь не все просто, и ниже мы подробно на этом остановимся. Также не все просто и в области политико-административного преобладания русских. Оно далеко не в одинаковой степени распространено по всей территории РФ, и как и в сферах языка и культуры другие титульные нации претендуют здесь, и не без успеха, на заглавные роли в большинстве республик. В результате разделения функций между титульной нацией всего государства и титульными нациями республик РФ эти последние в принципе вписаны в общий федеративный дизайн.

Однако насколько это “в принципе” соответствует реалиям межнациональных отношений? И столь уж общепризнанной является роль русских как титульной нации?

76

Казалось бы, сам факт довольно значительного увеличения доли русской нации в общей численности населения (с 51% в СССР до 80% в РФ) должен был лишь укрепить ее роль как нации “титульной”. Но если в СССР вплоть до второй половины 1980-х годов² никому в голову не приходило ставить под вопрос (по крайней мере, публично) ведущую роль русской нации и русских, то в Российской Федерации такого рода аксиоматичность уже с самого начала отсутствовала. Не только была провозглашена независимость Чеченской республики, но и в ряде других республик притязания русских на ведущую роль либо были поставлены под вопрос, либо стали отрицаться в принципе³.

¹ Его “особая роль” среди других конфессий специально оговорена в Преамбуле Федерального закона “О свободе совести и религиозных объединениях”, вступившего в силу 26 сентября 1997 г.

² Точнее — до 1986 г., когда в ряде союзных республик стало все отчетливее проявляться и выходить на поверхность стремление и их руководства, и значительной части населения к национально-государственной независимости.

³ Название “республика”, которое присутствует в “титуле” данной категории субъектов Российской Федерации, при всей его кажущейся простоте, в действительности может иметь и имеет самые разные толкования. Вводя это понятие в конституционное поле СССР, его инициаторы хотели тем самым продемонстрировать свое особое отношение к вошедшим в состав советского государства нациям и народностям. Но уже тогда одни из республик признавались “союзными”, а другие — автономиями (к последним относились и практически все нынешние республики РФ). Однако в процессе так наз. *суверенизации* 1990-х годов произошло далеко идущее “приращение” их республиканского статуса и его приравнивание к статусу государства (что нашло прямое отражение в Конституции РФ). По сути дела, государственный статус бывших автономий РСФСР противоречит самим реалиям федерализма и, с точки зрения автора, является не более как исторически обусловленным анахронизмом.



Наиболее зримо такого рода тренд стал проявляться в попытках оттеснения, и даже прямого вытеснения русского населения, принявшего особо жесткий и даже жестокий характер в ряде республик Северного Кавказа. Происходило оно и в некоторых других республиках, причем вытеснение это, как правило, имело место в рамках более тонкой “кадровой политики”. Так, в Республике Татарстан, согласно переписям 1989 и 2002 гг., за этот промежуток времени численность русского населения сократилась на 83 тыс. человек. Согласно подсчетам автора, примерно 52 тыс. из них приходится на “естественную убыль”, связанную с неблагоприятной для всего русского населения демографической ситуацией. Остающиеся 30 тыс. списать на такого рода убыль не удастся, это практически уже чистый отток русских из республики. По Республике Башкортостан такого рода “чистый отток” меньше – всего примерно 7 – максимум 10 тыс. Зато в Республике Саха (Якутия) чистый отток существенно больше – около 160 тыс. Здесь решающий фактор, скорее всего – природные условия и общая для Восточной Сибири и Дальнего Востока неблагоприятная экономическая ситуация. В какой-то мере это относится и к республике Тыва (где доля русского населения снизилась с 32% до 20%), хотя здесь, судя по всему, действует не только природный и экономический, но и человеческий фактор. Как уже отмечалось выше, самым жестким образом действие этого фактора проявляется в республиках Северного Кавказа, где доля русских сократилась наиболее существенно (с 42,4% до 33,7% в Карачаево-Черкесии, с 32% до 23% в Северной Осетии, с 9,2% до 4,7% в Дагестане и с 23% до 1,2% и 3,7% в Чечне и Ингушетии).

Лишь в ряде республик Средней России – Марий-Эл, Удмуртии, Мордовии, а также в Хакасии и Адыгее доля русских остается неизменной [Региональное... 2011: 155]. В целом по всем республикам, по подсчетам автора, общая убыль русского населения составила 1 млн 20 тыс., а за вычетом “естественной” – 670 тыс. Численность всего русского населения республик в 2002 г. была равна 9 млн 385 тыс., т.е. отток за 1990-е годы составил около 7%.

Количество здесь, однако, не является адекватным показателем потерь, которые несут и русское население республик, и население республик в целом. Ибо покидали и покидают республики наиболее образованные и ценные в профессиональном и культурном отношении кадры. Им легче стронуться с места и устроиться на новом месте. В результате такой утечки ослабляется креативный потенциал русского населения, его способность стимулировать социально-экономическое и культурное развитие, а также сохранять за собой роль весомого партнера титульных наций республик во всех этих областях.

Данные переписи 2010 г. демонстрируют примерно ту же динамику изменений количественных пропорций русского и нерусского населения в республиках. В то же время есть все основания утверждать, что хотя в большинстве республик процент русских продолжал снижаться, основной фактор, вызывавший это снижение (за исключением республик Северного Кавказа), был уже не столько этнонациональным, сколько социально-экономическим.

Но как бы то ни было, существенное ослабление русской нации в республиках РФ остается серьезнейшим фактором, подрывающим ее государствообразующую роль и серьезно усугубляющим прогрессирующее снижение роли русских как титульной нации в масштабах страны в целом.



Далеко не последнюю роль в этом процессе играло размывание традиционного “культурного кода”, в котором русская литература, театр, кино, музыка играли роль уникального творческого ядра [см. Семененко 2011: гл. IX-X]. Обратной стороной этого процесса явилась безудержная экспансия западной поп-культуры и ее доморощенных апологетов.

Существенным образом нарушили традиционное доминирование русских и русского православия резко усилившиеся с начала нового тысячелетия внутренние миграционные и иммиграционные потоки. И хотя первые лица государства заявляли и заявляют о недопустимости появления в России “чайнатаунов”, избежать создания компактных культурных сообществ в городах и поселках, где особенно велик наплыв мигрантов, вряд ли удастся. Собственно, такие сообщества уже существуют, и они вносят заметные изменения в некогда почти однородную среду обитания преимущественно русского населения.

НАЦИОНАЛИЗМ ПО-РУССКИ

Естественным следствием перечисленных обстоятельств и явилось возникновение “русского вопроса” как вопроса о роли основного этноса в общественно-политической жизни страны. Наиболее наглядно суть этого вопроса выявляется в тех ментальных и материальных последствиях распада СССР и последовавших за ним перемен, которые оказываются далеко не одинаковыми для различных категорий российского общества.

Если одна часть этого общества восприняла данные изменения как неизбежные и даже желательные, то другая, не менее значительная его часть, считает их негативными и до сих пор не может с ними примириться. И если первые большей частью хотели бы идти дальше по пути перемен, а некоторые даже не прочь забыть о своих “корнях”, то для вторых распад СССР – это почти личная и часто остро переживаемая проблема. Настроения эти порождают различные формы идейной и политической активности, которые при всей их несхожести и противоречивости имеют общую “русскую” первооснову.

Как пишет в разделе Доклада “Двадцать лет глазами россиян”, посвященном российской идентичности и межэтническим отношениям, Л.М.Дробужева, в числе причин “солидарности русских” – обида из-за потери роли “старшего брата”, “сына великого народа”, произошедшей в результате распада СССР [Двадцать лет... 2011: 205-206]. Согласно данным того же исследования, 61% русских считают, что они “много потеряли” за последние 15-20 лет (среди других народов России эта доля составляет 44%).

Данные систематически проводимых опросов убедительно показывают масштабы ностальгических настроений среди русских в связи с распадом Советского Союза и утратой ряда социальных гарантий, которыми располагали все советские граждане. Несмотря на некоторое снижение доли людей, сожалеющих о произошедшем, она до сих пор не опустилась ниже 50%.

Ностальгические настроения и недовольство существующим положением, подкрепляемые реакцией на отмеченные выше статусные и иные потери русской нации, создают благодатную почву для роста русского национализма и для превращения его в один из наиболее существенных факторов общественно-политической жизни страны. Национализм этот имеет своих adeptов в самых различных социальных и возрастных категориях общества,



а по степени его радикализма варьируется от крайнего, ориентированного на экстремизм, до умеренного его варианта. Весьма различны и политические субъекты, в той или иной мере разыгрывающие националистическую карту.

Националистические настроения разделяют, по данным опросов, от 30% до 40% населения, однако подавляющая часть этих людей ведут себя довольно пассивно. Что касается националистов откровенно экстремистского толка, то их число довольно невелико, и даже среди тех 10-15% населения, которое, судя по опросам, готово их поддержать, их действительно активная часть явно не является массовой.

Потенциально наиболее взрывоопасной и непредсказуемой частью этой базы является ее молодежная составляющая, и в первую очередь так наз. *фанаты*. Именно они сыграли главную роль в ходе беспорядков на Манежной площади в декабре 2010 г., и хотя с тех пор они не демонстрировали столь вызывающим образом своих националистических чувств и убеждений, их поведение на стадионах и эпизодические оскорбительные выходы против “небелых” и “кавказцев” не оставляют сомнений в том, что достаточно случайной или неслучайной “искры”, чтобы ситуация Манежной повторилась.

Масштабы и радикализм русского молодежного национализма побудили некоторых исследователей зачислить его в особую категорию “младонационализма” и прогнозировать едва ли не ключевую его роль в формировании “новорусской генерации россиян”. При этом они, не повторяя друг друга, обоснованно констатируют необходимость более глубокого и основательного изучения данного феномена во всей его сложности и противоречивости⁴. Как бы то ни было, не приходится сомневаться в том, что во многом определяя нынешний и будущий менталитет и поведение этнических русских, и “младонационализм”, и другие молодежные течения становятся все более существенными факторами в процессе формирования российской политической нации.

Параллельно с ростом националистических настроений происходит и организационная экспансия национализма. В результате возникновения целого ряда новых и оживления старых националистических организаций число только наиболее известных из них на начало второго десятилетия XXI в. достигло почти четырех десятков. Причем весомая их часть (18 из 37)⁵ являются радикальными. Вместе же с четырьмя запрещенными (которые отнюдь не “закрылись”), их число в полтора раза превышает число “умеренных”. Наиболее известной и массовой акцией националистов являются “русские марши”, приуроченные ко Дню народного единства России 4 ноября. Согласно публикуемому в Интернете данным, большая часть их организаторов – руководители радикальных националистических организаций⁶.

Русские марши проходят не только в Москве, Санкт-Петербурге, но и во все большем числе русских городов. Основные их лозунги – “Россия для русских”, “Москва для москвичей” и т.п. Число их участников довольно широ-

⁴ См. [Бызов 2012; Петухов 2012]. Оба автора – сотрудники Института социологии РАН – основывают свои работы на материалах исследований современной российской молодежи, проведенных в ИС РАН.

⁵ “Движение против нелегальной иммиграции” (ДПНИ), Национал-большевистская партия, Славянский союз и т.д.

⁶ См. Википедия (доступ: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>). Статьи “Русские националистические организации”; “Русский марш”.



ко варьируется, наибольшее их количество собирается в Москве (до 10 и более тысяч человек).

Лозунг “Россия для русских” воспринимается как наиболее адекватный и основной массой тех, кто в той или иной мере склонен разделять националистические настроения. По данным опросов Левада-Центра, в 2010-2011 гг. этот призыв поддерживали, соответственно, 54% и 58% россиян. При этом 19% и 15% солидаризировались с ним “полностью”, тогда как 35% и 43% разделяли его “в разумных пределах”⁷.

Учитывая все чаще звучащее недовольство тем, что граждане других национальностей имеют свои территориальные образования, а русские — нет, равно как и буквальный смысл самого лозунга, можно утверждать, что за ним стоят весьма весомые изоляционистские настроения. О том же свидетельствует и популярность требований “Хватит кормить Кавказ”.

Однако изоляционистские настроения — отнюдь не главное, что стоит за лозунгом “Россия для русских”. Ключевой его смысл для большинства тех, кто с ним солидарен — стремление сохранить и упрочить тот статус титульной нации, который, как мы уже отмечали ранее, подвергся основательной эрозии. Но поскольку ситуация в нынешней России принципиально отличается от ситуации в России досоветской и советской, поддержка этого лозунга “в разумных пределах” не предполагает возвращения вспять. Она лишь свидетельствует о стремлении к тому, чтобы русские заняли соответствующие их количественным и качественным характеристикам места в том концерте наций, который существует в Российской Федерации.

Это, конечно же, место титульной нации, но уже не то, которое она занимала прежде, а то, которое она может и должна занять с тем, чтобы достойно и не ущемляя другие нации реализовать свой общественно-политический и культурный потенциал. Титульный статус здесь — не раз и навсегда данное и неизменное состояние.

Это, безусловно, тоже национализм, но какой? Думаю, что не разойдусь со своими коллегами по цеху, если скажу, что это тот самый позитивный национализм, который, в отличие от замешанного на насилии этнонационализма экстремистского толка нацелен не на достижение превосходства одной нации над другими, а на их плодотворное сотрудничество и взаимодействие. Этот национализм не противостоит политической нации, а, напротив, составляет те кирпичики, из которых складывается, хотя и не механически, российская политическая нация и без которых она превращается в мало что значащий фантом.

НАЦИОНАЛИЗМ РАДИКАЛЬНЫЙ И “УМЕРЕННЫЙ”

Хотя экстремистский национализм, исповедуемый и отчасти практикуемый упомянутыми выше организациями и другими родственными им группировками остается, в основном, маргинальным, его влияние ни в коем случае нельзя недооценивать. Это влияние во многом определяется теми реальными раздражителями, которые воздействуют на достаточно внушительные по своей численности категории населения и создают благоприятные для экстремистских “ловцов душ” ситуации. Среди таких фиксируемых опросами

⁷ См. [Левада-Центр 2012]. Почти те же цифры приводит в своих исследованиях и Институт социологии РАН, которые цитирует “Русский репортер” [Лонская 2012].



Левада-Центра раздражителей лидирует “вызывающее поведение нацменьшинств” (20% в 2004 г. и 37% в 2011 г.). Далее следуют “плохие условия жизни” – 24 и 25% соответственно, а также “теракты последних лет” [Левада-Центр 2012].

Согласно опросам ВЦИОМ, еще до событий на Манежной площади 51% москвичей считал межнациональные отношения в городе “напряженными, плохими и даже конфликтными” [цит. по Московский комсомолец 2010]. Согласно тем же исследованиям, спектр факторов, порождающих “раздражение” по отношению к инородцам, довольно широк. Помимо угрозы терроризма (13%) – это и конкуренция на рынке труда (от 4% до 9%), и поведение “приезжих”, и ряд других “неудобств”. Примечательно, однако, что 47% опрошенных не смогли назвать причин своей неприязни к членам формирующихся диаспор.

Как выявленная опросами Левада-Центра большая доля тех, кто считает первопричиной роста национализма “плохие условия жизни в России”, так и непомерно большой процент тех, кто не смог назвать конкретных причин своего неприязненного отношения к внутренним мигрантам и иммигрантам, свидетельствует о том, что национальные антипатии россиян, и, прежде всего, русских, если не целиком, то в весьма значительной степени определяются факторами, которые сплошь и рядом остаются “за скобками” в ходе опросов и, на первый взгляд, слабо связаны с собственно национальной ментальностью. Человек, который полагает, что националистические настроения порождаются “плохой жизнью”, не так уж далек от истины, ибо он связывает “плохую жизнь” не столько с “нашествием инородцев”, сколько с теми изменениями, которые произошли в стране за последние 20 лет, т.е. с крушением порядка вещей, присущего доперестроечному Советскому Союзу. Этот порядок вещей не только обеспечивал ему более или менее сносное существование, но и отвечал его представлениям о роли страны в мире, удовлетворял национальную гордость. Между тем именно ущемленная национальная гордость и создает почву для развития различного рода националистических фобий.

Выше мы уже отмечали, что национализм, и в том числе национализм русский, а точнее – в своей основной части российский – явление скорее позитивное, и что его “массовая база” несравненно более широка, нежели та, на которую опирается национализм радикального, экстремистского толка. И если рассуждать чисто умозрительно, то напрашивается вывод о том, что этот умеренный национализм и есть та сила, которая может и должна не просто противостоять экстремизму, но и оттеснить его на обочину политической жизни. Однако все ли здесь так просто?

Как и национализм радикальный, национализм умеренный имеет свою далеко не однородную организационную базу. Это в полной мере относится и к его наиболее влиятельной и активной организации, каковой является возглавляемый Дм.Рогозиным “Конгресс русских общин – Родина” (КРО-Родина). Хотя в ее документах и подчеркивается нацеленность на “укрепление гражданского мира и национального единства”, в заявлениях некоторых ее сторонников содержатся призывы, которые можно с полным на то основанием квалифицировать как выходящие за рамки объявленной умеренности.

Еще более определенные выходы за пределы националистического “позитива” допускают некоторые деятели “Единой России”, а также так наз. *систем-*



ной оппозиции. Прежде всего это относится к ЛДПР и ее лидерам, некоторые заявления и призывы которой носят явно этнонационалистический характер и нацелены на ущемление прав “нерусских наций”.

Так что говорить о полной несовместимости “умеренного” и “неуправляемого” национализмов не приходится, и грань, отделяющая первый от второго, не является столь уж жесткой. Это обстоятельство имеет отнюдь не второстепенное значение.

В канун выборов (думских в ноябре 2011 г. и президентских в марте 2012 г.), и в ходе самих выборов центральной власти и власти субъектов федерации удалось существенно снизить градус национальных притязаний. И хотя и в программах правящей партии, и в программах партий оппозиционных эти притязания присутствовали⁸, погоду они не делали. Главной интригой в ходе выборов и сразу после них стало противостояние сторонников и противников “Единой России”, в ходе которого эта последняя вынуждена была занять оборонительную позицию и испытала серьезный моральный и репутационный урон.

Национальный вопрос, выдвинувшийся после обострения 2010 – начала 2011 гг., ушел “в тень”, и проблема консолидации российской политической нации стала позиционироваться в более широком общеполитическом контексте. Против ожиданий и прогнозов ряда СМИ, 4 ноября 2012 г. “русские марши” прошли в Москве и в ряде других городов относительно спокойно и обнаружили скорее нисходящую, чем восходящую динамику.

Однако о “затишьи” активности радикального национализма можно говорить весьма условно и лишь отвлекаясь от целого ряда существенных, хотя и не бросающихся в глаза изменений в политическом поле РФ. Во-первых, продолжают (и, судя по всему, не без некоторого успеха) попытки консолидации новых и старых националистических организаций экстремистского толка, которые только и ждут своего часа, чтобы заявить о себе в полный голос.

Обращает на себя внимание и выход в публичное пространство ряда деятелей, которые, лишившись депутатских мандатов с начала “нулевых”, казалось бы, отошли от активной политической деятельности⁹. Среди них – известный своими неортодоксальными взглядами на национальный вопрос и активный прихожанин русской православной церкви Виктор Аксютин, выступивший за создание “христианской партии”, которая “в России... не только возможна, не только необходима, но и имеет место, и нуждается лишь в легализации”. Предполагается создание и иных христианских и православных партий [цит. по Мальцев 2012].

Эти и им подобные попытки навязать РПЦ роль активного политического игрока, не будучи с виду радикальными, на деле толкают к той же политизации и другие конфессии, и прежде всего ислам. Более того, стремясь “отличиться”, причем далеко не безобидным образом, они дискредитируют православие, пытаясь направить его на ложный, чреватый потерей лица путь.

⁸ Наиболее явственно они проявились у лидеров ЛДПР, выступивших за “уравнение” республик и регионов, и КПрФ, проводивших свою избирательную кампанию под девизом “За русских!”.

⁹ Среди целого ряда деятелей, которые после принятия нового закона о политических партиях не прочь проявить себя на поприще национального партстроительства, Сергей Бабурин, Игорь Шафаревич, Владимир Квачков и ряд других менее известных, но весьма и весьма активных лиц.



Примечательно, что не отличающийся особой покладистостью председатель основного исламского центра РФ – Совета муфтиев России Р.Гайнутдин решительно высказался против подобных инициатив партстроительства (исходящих и от некоторых исламских активистов), справедливо подчеркнув, что ни к чему, кроме как к межконфессиональному соперничеству, они не приведут.

Вызывают определенные вопросы и некоторые инициативы участников “партии власти”. В канун президентских выборов ОНФ выступил зачинателем Добровольческого движения “Дон”, в учредительном съезде которого участвовали наряду с членами ОНФ и “Единой России” и представители некоторых националистических организаций радикального толка. Согласно заявлению организаторов нового движения, оно создано в поддержку армии, флота и оборонно-промышленного комплекса. Однако есть основания полагать, что оно не останется в стороне и от более радикальных форм политической активности.

Подводя общий итог сказанному, можно констатировать, что и этнонациональные отношения в целом, и русский вопрос как их весомая составляющая отличаются высочайшей степенью сложности и чреваты исключительно серьезными рисками. Россия нагляднейшим образом подтверждает общепризнанный в науке тезис о современном обществе как обществе риска, причем в ряду других существующих риски обострения этнонациональных отношений здесь – самые опасные.

Отсюда – особая значимость тех мер и шагов, которые могут и должны принять власть и государство для снижения этих рисков. И вряд ли нужно оговаривать, что такого рода задача не может быть решена без одновременного решения и “русского вопроса”.

ДИСБАЛАНСЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ

Если до событий декабря 2010 г. на Манежной площади российские власти довольно спокойно и без особого интереса относились к проблеме межнациональных отношений (в чем и президент, и премьер-министр были вынуждены признаваться сами), то после этих событий их озабоченность этими проблемами резко возросла. В конце декабря 2010 г. и в начале февраля 2011 г. были проведены заседания Госсовета РФ в Москве и Уфе, в ходе которых (и особенно на заседании Госсовета в Уфе) были подробно рассмотрены различные аспекты этих проблем и принят ряд рекомендаций, нацеленных на разработку мер по их практическому решению. Началась работа по реализации этих рекомендаций.

И с концептуально-теоретической, и с чисто практической точек зрения наиболее важными документами, определяющими позиции и политику российского государства по национальному вопросу, на сегодняшний день стали предвыборная статья В.Путина “Россия: национальный вопрос”, опубликованная в “Независимой газете” 23 января 2012 г., и “Стратегия государственной национальной политики российской Федерации”, подготовленная и опубликованная 15 октября 2012 г. Советом по межнациональным отношениям при Президенте РФ и утвержденная Президентом в декабре того же года.

В начале своей статьи В.Путин подчеркнул, что “одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское межнациональное согласие”. Заявив о равенстве всех населяющих ее народов, он, однако, тут же



подчеркивает, что “стержень, скрепляющий ткань этой уникальной (российской – С.П.) цивилизации – русский народ, русская культура”. Именно этот народ, пишет он, “является государствообразующим”, а цивилизационная идентичность РФ “основана на сохранении русской культурной доминанты”. Poleмический запал статьи направлен одновременно и против русского, и против антирусского национализма. Если его бациллы, как пишет В.Путин, “поражают многонациональное общество, то оно теряет силу и прочность”. Однако, резко осуждая русский национализм, В.Путин по сути дела пишет лишь об одной его версии – а именно “идее русского ‘национального’ моноэтнического государства”, по существу умалчивая о другой, не менее распространенной “имперской” его версии, нацеленной на “русификацию” всех территорий бывшего Советского Союза и даже территорий за его пределами.

При всем том “генеральная установка” в статье присутствует, и она четко обозначена. Это установка на реализацию “великой миссии русских”, состоящую в том, чтобы “объединять и скреплять цивилизацию”. Не ограничиваясь интерпретацией состояния национального вопроса и постановкой “сверхзадачи” при его решении, В.Путин предложил создать “специальную структуру, отвечающую за вопросы национального развития, международного благополучия, взаимодействия этносов” [Путин 2012].

Собственно, такой структурой и явился Совет по межнациональным отношениям, созданный президентом Путиным в начале июня 2012 г. В своем выступлении на первом заседании Совета 9 июня 2012 г. В.Путин уточнил, что Совет должен стать площадкой “для выработки стратегических социальных решений в сфере национальной политики”. “Прошу членов Совета активно включиться в подготовку Стратегии государственной национальной политики России. Этот базовый документ необходимо сформировать до конца текущего года” [Совет... 2012].

Однако в ходе обсуждения указанного документа обнаружилось, что наиболее серьезные и по-настоящему стратегические начинания исходят не от “верхов”, а от тех деятелей республиканского и регионального масштаба, которые начали остро ощущать неадекватность и контрпродуктивность существующих федеративных отношений. И можно не сомневаться в том, что именно под их давлением и по их требованию в подписанном в декабре 2012 г. Указе “О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года” в числе целого ряда задач по реализации этой стратегии (анализ которой не является предметом данной статьи), отсутствующих в представленном ранее Проекте, стало “разграничение полномочий и ответственности между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления” [Указ... 2012].

Тем самым авторы стратегии не только признали факт “изношенности” сложившейся модели, но и позитивно оценили те “подвижки” в поведении субъектов Федерации, которые наметились в последнее время и которые создают, с нашей точки зрения, определенные предпосылки если не для решения данного вопроса, то, по крайней мере, для определения позитивного вектора или направления, в котором федеративные отношения могут (и должны) эволюционировать. Вектор этот я бы обозначил как “автономизация”,



призванная нарастить экономическую и политическую самостоятельность и республик и субъектов федерации в целом и привести к существенным, качественным изменениям модели их отношений с центром.

В ходе ознакомления с позицией первых лиц центрального Поволжья автор убедился в их принципиальной нацеленности на такого рода эволюцию, призванную прежде всего существенно повысить технико-экономический потенциал республик. Причем непереманным условием достижения этой цели должен стать пересмотр основ отношений с федеральным центром, которые установились в годы первых двух сроков президентства В.Путина. Как заявил, к примеру, нынешний президент Башкортостана Рустам Хамитов на пресс-конференции в агентстве РБК, “я абсолютно уверен, что чем больше у нас будет возможностей воздействовать на административные барьеры, которые выстраивают федеральные структуры, тем быстрее и лучше мы будем развиваться. Для руководителей глав регионов главная мотивация — создание безбарьерной сферы. Дайте нам полномочия!” Из материалов той же пресс-конференции следует, что Р.Хамитов не просто заявляет о желательности получения “полномочий”, но и является одним из инициаторов рассмотрения на федеральном уровне вопроса о расширении полномочий регионов [Выступление б.г.].

Весьма примечательно, что Р.Хамитов говорит здесь отнюдь не только о “своей” республике и о республиках как таковых, но о “регионах”, т.е. о субъектах Федерации в целом. В совокупности с рядом заявлений и интервью, исходящих от руководства других республик и регионов, их все более настойчивый “запрос на самостоятельность” указывает на то, что федеральные отношения, и в том числе отношения политические, созрели для существенных перемен в том самом системном направлении, о котором говорилось выше.

Помимо объективных и субъективных факторов, свидетельствующих об устарелости и тупиковости созданной в “нулевые” годы модели федеративных отношений, их реформирование в указанном направлении актуализируется неспособностью федерального центра сформулировать и реализовать четкую и эффективную программу развития национальной экономики и ее модернизации. Одна из главных причин этого — парализующий эффект раскола элит, и в том числе — в самих центрах выработки и принятия государственных решений. В этих условиях на республики и регионы, не страдающие от столь драматического противостояния, ложится особая миссия прорыва возникших тупиковых ситуаций, а их экономическая и политическая автономизация становится непереманным условием для занятия Россией ее “законного места” в мировом сообществе.

Что, однако, означает или, точнее, означала бы реализация автономистского сценария для будущего межнациональных отношений и “русского вопроса”? На мой взгляд, это открыло бы путь к устранению асимметрии в отношениях между русской и другими республиканскими титульными нациями и могло бы привести к постепенному выравниванию этих отношений на устраивающей все стороны основе.

Учитывая тот контекст, в котором подаются сигналы к большей самостоятельности республик и регионов, и отмеченную выше реакцию на них, это привело бы к укреплению внутриреспубликанской этноконфессиональной солидарности и одновременно — к рационализации и де бюрократизации их



отношений с центром. В других же, преимущественно русских регионах, тренд к самодостаточности, основанный на развитии их экономики, социокультурной и общегражданской солидарности, неизбежно привел бы к обретению ими куда более значимой, чем ныне русской, “титульности”, которая, будучи подкрепленной межрегиональным сотрудничеством и взаимодействием, позволила бы укрепить и развить ее специфическое, действительно объединяющее место в “концерте” российских национальных титулов. Это неизбежно способствовало бы постепенному снижению деструктивных начал в “русском вопросе” и укреплению начал конструктивных. Конечно, все это не было бы возвращением к советской и досоветской имперской, державной “титульности”. Но были бы созданы условия как для более полного выявления креативного потенциала русской и нерусских наций, так и для их плодотворного взаимодействия.

Стучащийся в дверь новый федерализм отнюдь не лишен своих, специфических рисков, и главные из них — республиканский и региональный сепаратизм. Однако при целенаправленных усилиях центра и субъектов федерации в указанном выше направлении (для чего, как убежден автор, есть необходимые предпосылки) риски эти вполне можно свести к минимуму и надежно маргинализировать.

Бызов Л.Г. 2012. Социокультурные и социально-политические аспекты формирования современной российской нации. — *Полис*, № 4.

Выступление Р.Хамитова на пресс-конференции РБК. Б.г. Доступ: <http://www.pra-vitelstvorb.ru/press-office/newsline/detail/php?/ID3474>

Двадцать лет глазами россиян. Научный доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда Эберта. 2011. М.: ИС РАН.

Левада-Центр. 2012. Доступ: <http://www.levada.ru/30-08-2012/rossiyane-o-politike-v-otnoshenii-priezzhikh>

Лонская А. 2012. Десять социальных фобий страны. — *Русский Репортер*, № 34, 30.08. Доступ: http://expert.ru/russian_reporter/2012/34/10-sotsialnyih-fobij-stranyi/

Мальцев В. 2012. Церковь строит партии. В России заявили о себе христианские политические движения. — *НГ-Религия*, 01-02. Доступ: <http://religion.ng.ru/printed/264825> ; http://religion.ng.ru/events/2012-02-01/1_partii.html

Московский комсомолец. 2010. 24.05. Доступ: <http://www.mk.ru.social/article/2010/05/24/405667>

Петухов В.В. 2012. Поколение “нулевых”: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие. — *Полис*, № 4.

Путин В.В. 2012. Россия: национальный вопрос. — *Независимая газета*, 23.01. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. 2011. М.: МГТУ.

Семененко И.С. 2011. *Россия XX — начала XXI веков. Культура и общество*. М.: Просвещение.

Совет по межнациональным отношениям. Встреча с членами Совета 9 июня 2012 г. 2012. Доступ: <http://state.kremlin.ru/council/>

Указ Президента РФ от 12.12.2012 № 1666 “О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года”. 2012. Доступ: <http://президент.рф/документы/17165>

Фарушкин М.Х. 2012. Этнофедерализм: российский и зарубежный дискурс. — *МЭиМО*, № 10.